

— **КАМИЛ** Акмалевич, еще у древнегреческих философов можно найти грустные суждения на молодежь, которые по смыслу будут мало чем отличаться от современного вздоха: «Вот в наше время...»

«Мы такими не были». — говорим мы о нынешних подростках, как когда-то говорили о нас. И действительно не были. Кто-то из драматургов сравнил людей этого возраста с инопланетянами, которые для старших необъяснимы, таинственны. Что вы думаете на этот счет?

— Испокон веку люди сотовали на свое время, за свою среду и горевали по временам, давно прошедшим, когда «дети слушались родителей, порядок был абсолютный».

Только плохие, очень плохие, никуда не годные учителя обижаются на учеников, когда те пытаются взять под сомнение то, что им говорят, или задают вопросы, отсутствующие в программе. Только очень плохие воспитатели думают, что нынешние дети хуже прежних.

Настоящий человек, учитель и ученик, не должен, не имеет права все проблемы сваливать на других. С себя надо начинать. С себя начинать и собою же кончать.

В одиннадцать утра, в субботу, проходя мимо винного отдела ближнего к моему дому магазина, я думаю о том, какими прежде были люди, рвущиеся к истертому прилавку. Что тут живописать, кто из нас этого не видел?

Я невольно думаю, откуда пришли они в эту толпу, думаю о том, что любой из этих людей был совсем еще недавно много умнее, чем сейчас.

Идут мимо школьники, некоторые хмурятся, другие усмеваются: у каждого свой жизненный опыт. И каждый из детей умнее этих взрослых людей, каждый твердо знает, что такое хорошо и что такое плохо. Никто из них не пьет, не курит. Нет, не без пороков и эти ребята, может, кто из них и не прочь утащить двадцать копеек или соврать родителю или учителю. Но согласитесь, что они много умней этих, которые им в отцы бы годились, если бы вообще годились на что-нибудь.

Может быть, мы, взрослые и растущие, напрасно полагаем, что главная задача жизни — умнеть год от года и к какому-то сроку поумнеть окончательно. А что если задача состоит в другом, более трудном труде — не поглупеть. Не поглупеть, не стать хуже, чем был, уберечь себя от того, что с самого начала жизни понимал как плохое, стыдное, недопустимое. Может, это и есть пусть самый начальный труд души?

Бывали времена, когда многие молодые люди вели дневники. Вели только для себя, не предполагая, что их будут цитировать.

Анна Григорьевна Сниткина, жена Достоевского, большинство своих дневников зашифровывала, чтобы никто не прочел, а после смерти Федора Михайловича на их основе составила знаменитые мемуары. Но часть ее «закодированных» дневниковых записей дошла до нас и вопреки ее надеждам оказалась расшифрованной. Из всех свидетельств о великом русском писателе — это едва ли не самое интересное. Почему? Да потому, что документ души, потому, что нет боязни, что не поймут, превратно истолкнут: без оглядки писалось, без косметики.

О Толстом разговор особый, потому что все девяносто томов его «Полного собрания сочинений» — это ответ на то, что так волнует нас. Ужасно как не хотелось бы вообще говорить о том, что молодые читатели «проходят» в школе. Толстой всю свою жизнь посвящал одной теме — нравственному самосовершенствованию. «Сам» — главное слово. Об этом в поздних статьях и сказках, об этом в юношеских дневниках, об этом в знаменитой «Исповеди».

«Хочешь быть сильным — бегай! Хочешь быть красивым — бегай! Хочешь быть умным — бегай!» Не спорю с этими советами древних, которые так любят приводить в наших спортивных телерадиопередачах, хочу лишь предостеречь тех, кто думает, будто это единственное и достаточное условие правильной жизни. Есть правда, и тут кое-какая универсальность: тот, кто заставит себя бегать и каждое утро делать зарядку, уже научился первым шагам в самосовершенствовании.

авторитетное мнение

«Запоздалое гражданское становление» — так обозначил июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС один из серьезных нравственных изъянов, которому подвержена некоторая часть нынешней молодежи. Борьбаться за то, чтобы молодой человек с ранних лет обрел чувство долга перед обществом, становился активным участником социалистического строительства, был личностью духовно, физически и граждански развитой, — задача семьи, школы, общественных организаций. Немало здесь могут сделать литература и искусство.

Писатель, драматург Камил Икрамов известен как автор литературных и кинематографических произведений о молодежи и для молодежи. Как правило, свежий и потому интересный взгляд на проблемы детства и юношества характерен и для его публицистических выступлений в печати.

Наш сегодняшний собеседник ищет и находит своих молодых героев, острые пороки ситуации, в которых они оказываются, в заинтересованном и каждодневном общении с миром подростка, завтрашнего полноправного гражданина общества развитого социализма.

КАРГА НЕК ВО МОРАЛИ ЭТО ТАКОЕ ДОЛГОЕ ДЕТСТВО?

Хотя лично мне, скажем, решение молодого человека с завтрашнего дня вовремя приходиться на работу, на занятия или, что еще лучше, начать трудиться серьезно и творчески, иначе, не так, как вчера, — кажется идеей более созидательной. Взглянуть на свою жизнь критически, осмыслить, казалось бы, простое — лучше работать, лучше жить — это очень важно. Причем подросток здесь, делая такой выбор, оперирует понятиями отнюдь не экономическими, а нравственными. Для него такое решение — первая попытка взглянуть на свое бытие строже. Это шаг от юношеского эгоизма к какому-то иному пониманию себя и своей жизни.

Задумайтесь, что за человек без всякого кокетства мог написать: «И, с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю...». Это ведь сам Александр Сергеевич читает дневник своей жизни.

Однажды в Нечерноземье я встретился с молодым человеком, бригадиром механизаторского коллектива. Он бывший горожанин. Работал осветителем в столичном театре. Но дело не в профессии. Парень представлял собой ту самую «золотую молодежь», о которой мы тоже много пишем. И вот в один прекрасный миг он делает такой выбор. Едет в деревню. Друзья хохочут, родители плачут. Циники говорят — блажь, пройдет.

Не прошло. Работает, жизнью нынешней доволен. Поступок? Да, поступок. Причем здесь неважно — уехал человек куда-то далеко или с утра начал новую жизнь там же, где жил. От себя не уедешь, если не захочешь измениться в себе самом.

— Недавно на телевидении был снова показан фильм по вашему сценарию — «Камила», посвященный преимущественно, как мне кажется, проблеме эстетического воспитания детей. Это представляется вам особенно важным?

— Конечно, эстетическое воспитание никак не может быть делом побочным. Обратите внимание, что среди колоссальных по значимости задач июньский Пленум нашей партии поставил задачу перед школой: с ранних лет воспитывать у ребят чувство прекрасного, способность понимать и чувствовать искусство. Конечно, это воспитание должно быть составной частью всей работы по формированию личности, ее умственных, нравственных, гражданских качеств. Мне кажется, что формализм начинается там, где существует четкое разделение воспитания на определенные направления. Это по такому-то ведомству, это — по такой-то ведомости. Часто в критических статьях о моих книгах я читаю, что главная тема здесь — интернациональное воспитание. Но я такой узкой задачи перед собой не ставил и не ставлю. Хотя, конечно, есть в нашей жизни вещи чрезвычайно значимые.

В Новосибирском театре идет моя пьеса, главный герой которой — мальчик Толя в годы войны оказался в тылу врага. Так вот, другой персонаж, школьный завхоз, руководитель подполья говорит: «Для зашей страны сейчас очень важно, чтобы дети любили родителей». Я благодарен режиссеру Льву Белову, который сделал эти слова стержнем спектакля. Ведь именно с любви к мате-

ри, с этого самого первичного чувства, начинается в Толе и большое чувство Родины, осознание своего единства с ней, которое позволяет ему взяться за оружие, стать героем.

Любовь к Родине — это тема вечная, главная. Потому что в этой любви сплавлены все другие высокие чувства человека. В. И. Ленин не однажды говорил, что любви к Отечеству надо учиться у революционных демократов России, явивших миру образцы благородного служения народу, жертвовавших личным ради общественного. На их патристических взглядах воспитывалось поколение революционеров-большевиков.

— Конечно, самовоспитание — вещь чрезвычайно важная. А какую роль вы отводите коллективу? Нет ли в этом акценте на «само» некоего перекоса. Не становится ли подросток при этом замкнутым на самом себе? Наедине с собой он один, с окружающими другой...

— Кто спорит, коллектив — сила! Приведу пример. Сейчас меня очень интересуют жизнь ребят в ПТУ. Я бываю в разных профтехучилищах в последнее время довольно часто. В одном из них познакомился с мастером Николаем Корягиным. Так вот, он мне сказал, что спокоен за своих ребят, пока они с ним. Но все три года воспитания могут пойти прахом, если молодые люди после попадут в плохой коллектив.

У меня на памяти есть предприятие, на котором выпускники ПТУ прогуливали до девяноста дней в году. И ничего! Я в данном случае не о наказании, а о том, куда же смотрят взрослые люди, те самые, что являют собой, наверное, как они думают, зрелый коллектив?

Затянувшееся детство и детство, которое затягивают, — вещи разные. Скажу больше: я не верю в акселерацию. Герой нашего времени Анатолий Мерзлов и какой-нибудь инфантильный папеныкин сынок — люди одного возраста... Более того, во время войны в шестнадцать юноша мог стать Героем Советского Союза. А сейчас? Когда подросток совершает тяжкий проступок, близкие ему взрослые говорят: «Он еще маленький, ничего не понимает...» Понимает! Инфантильность, иждивенчество, пресловутый эгоизм — все это антиподы такого понятия, как ответственность. Перед самим собой, перед людьми, перед государством.

Конечно, молодые люди всех времен и народов отклонялись от «общепринятых правил поведения». Одни меньше, другие больше. Из одних вырастали хорошие, а порой и прекрасные люди, из других — подонки и мразь. Последние, видимо, больше надеялись, что из кто-то обязан перевоспитывать и наставлять на путь истинный. История учит, что ни органы правопорядка, ни полиция нравов, ни церковные дела тут не решали. Чрезмерная вера в целительность наказания обманывала обе стороны — и воспитателей, и воспитуемых.

Быть может, возраст, о котором речь во множестве статей и диссертаций, в том и состоит, что человек в этом возрасте стоит перед выбором — куда перейти? В люди или в нелюди. Есть в философии категория свободы воли, коротко говоря, это право человека выбирать

между добром и злом. Выбор между добром и злом жизнь ставит перед человеком чаще, чем кажется. Но вот что интересно. Читая как-то почту одного молодежного журнала, я, к изумлению своему, не нашел этих слов. В то время, когда об этом написаны горы книг, статей. Каждый день мелькает в печати — мораль, нравственность, добро, зло. Значит, не для них пишется?

— В чем же вы видите причину того, что молодежь нередко игнорирует педагогические статьи, беседы?

— Очень уж мы, взрослые, себя приукрашиваем в них. Много ли есть среди нас, взрослых, таких, кто бы сказал: «И с отвращением читая жизнь мою», или сказал бы о себе с такой честностью, какой требует от сына, дочери. Потому что необходимая молодым честность в разговоре о себе — вещь редкая, и приходится ссылаться на великих. Вот почему так раздражают порой в иных педагогических прописях призывы равняться. Может, не только равняться надо, но учиться. Не только на положительных примерах, но и на ошибках. Спросите у любого: кто виноват в судьбе Анны Карениной? Вам ответит — общество виновато. Так в учебнике. А ведь Толстой совсем наоборот думал. Вот ведь завываю. Наоборот. Это понять надо.

— Переходный возраст сопряжен с порой самоутверждения человека. Не кажется ли вам, что часто мы забываем об этом...

— Переходный возраст, кроме всего прочего, — это, мне кажется, переход от стадности или стаи к осознанию себя в качестве личности, единственной и неповторимой. Подросток тянется к сверстникам, подражает друг другу, оттого, что чувствует себя слабым. То, что в молодые годы осознается как одиночество, воспринимается как трагедия непонятости, трагедией не является, потому что это норма. Человек становится взрослым, и его отношения с миром усложняются необычайно быстро, его нравственный долг возрастает, а в лучших из людей может и доминировать над всем прочим. Именно это происходит со вчерашним школяром принцем Гамлетом, когда он из своей безрасудной студенческой стаи попадает в Эльсинор, в ситуацию, где вынужден, именно вынужден, делать выбор между добром и злом. Никогда прежде эта задача не стояла перед ним так определенно, так конкретно, никогда от этого выбора не зависела его жизнь, его судьба. Потому «Гамлет» назван трагедией, что таково значение выбора, а выбор между добром и злом каждому предстоит делать самому, как бы много мы ни говорили о роли коллектива. Коллектив, общество должны помочь и помогают, но делает выбор сам человек.

...Вот он стоит, упершись руками в фонарный столб у автобусной остановки, идет домой, и люди шарахаются от него в естественной безразличности. Неправда, будто он ничего не помнит про этот вечер. Помнит, и потому наутро будет еще хуже, чем был накануне. Знает он, что мать потащила в чистку его выходной костюм, потому и бахвалится перед такими же, как он, потому и залосится перед другими, на него не похожими.

Кого он сделал счастливым? Плохо бедняге, жалко его. Но это та самая жалость, которая унижает.

Получается, если я сегодня себе разрешил быть таким, то на следующий день я буду еще большей скотиной, чем был позавчера. И нельзя себя такого любить. Вот почему так важно оставаться и как можно скорее. И нечего вновь пенять на среду, на общество, на жизнь, на судьбу. Я, к примеру, как только нападет на меня такое пошлое настроение, всегда вспоминаю странные в своей сознательной упорочности стихи человека, чьей дружбой горжусь.

Если ни один из лугов, ни один из лесов, ни один из прудов, если ни одна женщина — ее веселый взгляд, ее печальный взгляд, ее случайный взгляд, если ни один из концертов для рояля с оркестром или для скрипки с оркестром не могут поднять меня над моей скудной жизнью — значит — я другой и не стою...

Беседу вел
Ю. СОЛОМОНОВ.